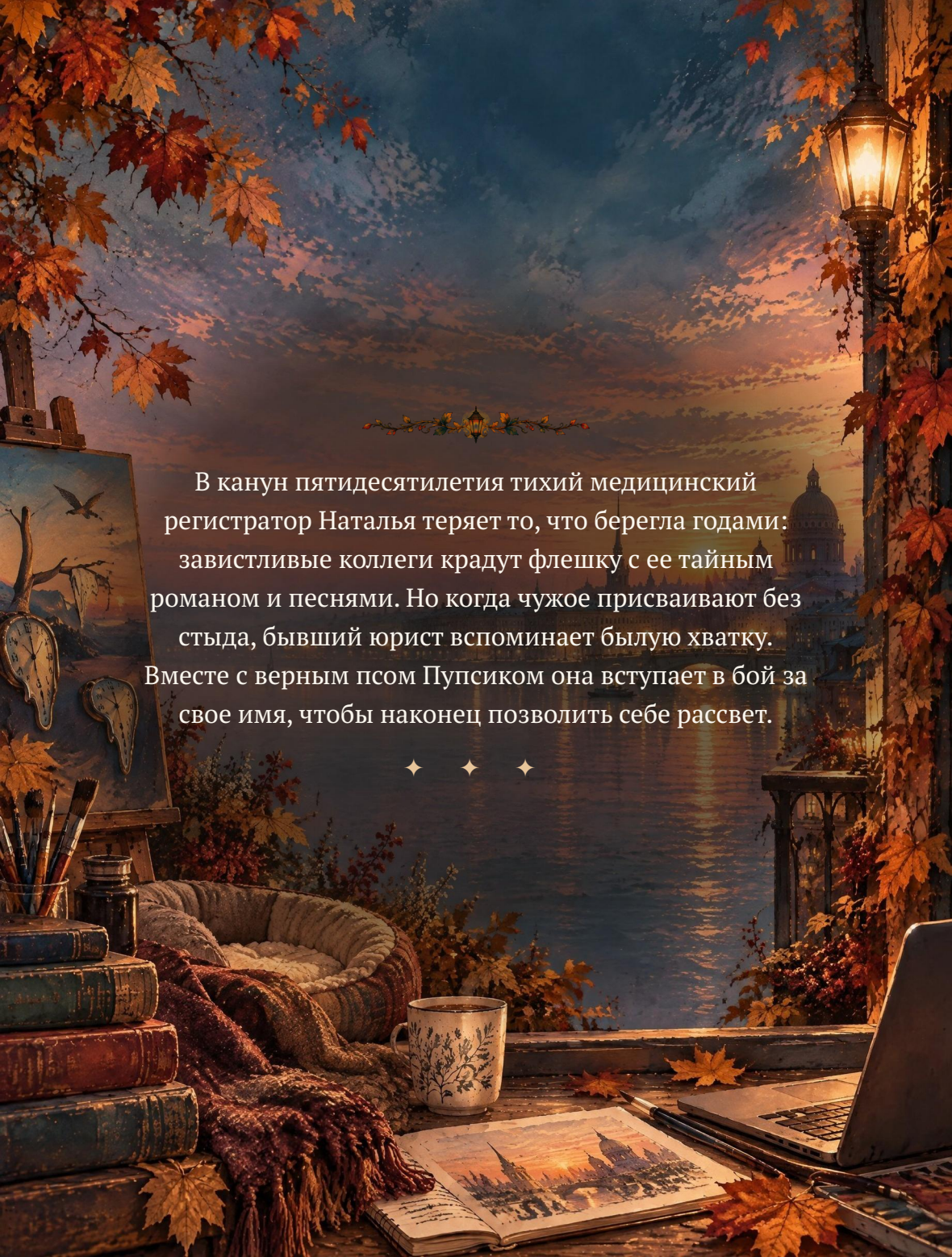
Чичканева Наталья Сергеевна

Право на рассвет



В канун пятидесятилетия тихий медицинский регистратор Наталья теряет то, что берегла годами: завистливые коллеги крадут флешку с ее тайным романом и песнями. Но когда чужое присваивают без стыда, бывший юрист вспоминает былую хватку. Вместе с верным псом Пупсиком она вступает в бой за свое имя, чтобы наконец позволить себе рассвет.

✦ ✦ ✦

Оглядываясь на пройденный путь,
понимаешь главное: нужно просто жить —
вопреки всему и несмотря ни на что.
Жизнь — самый ценный дар, и я
бесконечно благодарна Богу за этот
бесценный подарок.

— Наталья Чичканева

Содержание

1 Стеклянное окошко....3

2 Сквозняк в ящике....18

3 Старая печать....34

4 Цифровой след....52

5 Капкан на полустанке....68

6 Тени у порога....86

7 Трещина в стекле....103

8 Холодный дождь....118

9 Правовой аккорд....131

10 Запах корицы....147

ГЛАВА 1

Стеклянное окошко

Стеклянное окошко регистратуры звенело мелкой, падучей дрожью от каждого шага тяжелых зимних ботинок по кафелю холла. Воздух здесь пах хлоркой, мокрыми

драповыми пальто и застарелым человеческим горем, которое люди приносили с собой вместе со смятыми пенсионными удостоверениями.

— Женщина, вы мне голову не морочьте! — мужчина в засаленной дубленке с размаху прижал синюю ладонь к мутному защитному экрану, оставив на нем жирный отпечаток пяти пальцев. — Мне к кардиологу сегодня надо, а не на той неделе! У меня, может, инфаркт прямо у вашего порога случится, кто отвечать будет? Вы?

Наталья привычным движением поправила круглые очки в тонкой оправе. Стекла мягко блеснули под люминесцентной трубкой. Она чуть наклонила голову, заправив за ухо прядь длинных смоляных волос, тронутых по пробору светлыми солнечными искрами, и посмотрела на мужчину не через барьер из оргстекла, а прямо — в воспаленные, затравленные недугом глаза.

Наталья

— Давайте разберемся без спешки, — произнесла она. Ее голос — низкий, бархатный, с теплым обволакивающим грудным тембром — подействовал на гудящую очередь как глоток теплого чая с мятой. Мужчина осекся на полуслове, судорожно втянув носом спертый воздух. — С острой болью мы сейчас же оформим вас в тринадцатый кабинет к дежурному врачу. Никаких талонов ждать не нужно. Бог не оставит, поверьте, вас осмотрят прямо сейчас. Только присядьте, пожалуйста, на банкетку. Я сама отнесу карточку.

Она улыбнулась — широко, открыто, сверкнув безупречно белыми зубами, и в этой улыбке не было ни капли казенного равнодушия. Плечи скандалиста опустились. Он что-то невнятно буркнул, стянул шапку и послушно побрел к дерматиновому дивану.

— Душенька моя, святая вы женщина, — раздался у перегородки знакомый суховатый тенорок.

Борис Матвеевич

Из-за спин пациентов возник Борис Матвеевич. Его потертый твидовый пиджак с замшевыми заплатками на локтях пах старой бумагой и сушеной лавандой, а шерстяная клетчатая кепка была с галантной аккуратностью зажата в сухих пальцах. Старик опирался на трость с полированным латунным набалдашником. Подойдя к прорези в стекле, он церемонно поклонился и, дождавшись, пока Наталья протянет руку за полисом, невесомо прикоснулся губами к кончикам ее пальцев.

— Позвольте полюбопытствовать о вашем драгоценном здравии, Наталья Николаевна? Барометр нынче падает безбожно, давление шалит, извольте видеть, в висках молоточки стучат. Но я шел исключительно к вам. Покорнейше благодарю за прошлую пятницу — кардиолог ваш, Семен Ильич, прописал капли, и сердце словно отпустило.

— Добрый вечер, Борис Матвеевич. Очень рада вас видеть на ногах, — Наталья мягко улыбнулась, быстро перебирая клавиши на клавиатуре. — Сейчас мы вам повтор-

ный прием оформим. Только база опять капризничает, подождите минутку.

— Ох уж эти новомодные штудии, — вздохнул архивариус, покачивая седой головой. — Электронные базы, карточки с чипами, замки магнитные понавешали по всем этажам… Думают, техника от беды спасет. А толку? Я вчера спускался в наш цокольный архив за старыми ведомостями — батюшки мои! Из моего прежнего наблюдательного поста в полуподвале весь поликлинический двор как на ладони виден. Куда лучше, чем через их слепые камеры, которые на мокром снегу только рябь показывают. Если лихой человек захочет прокрасться — он через старую котельную пройдет, и ни один сенсор не пикнет.

Регина Павловна Воронова

Наталья хотела ответить шуткой, но слова застряли. Экран старенького монитора вдруг пошел сизыми полосами, а настенные круглые часы над дверью кабинета старшего регистратора Регины Павловны показались ей странно чужими. Секундная стрелка дернулась, замерла, и в следующее мгновение Наталье почудилось, будто белый круг циферблата раскрылся, превратившись в два тяжелых, маслянисто-черных крыла гигантского ворона. Крылья беззвучно захлопали, нагнетая под потолок душный могильный холод, и черная тень хищно скользнула по пластиковой стойке.

Видение длилось долю секунды. Наталья моргнула, сжимая в кармане гладкий край деревянной линейки. Часы тикали как ни в чем не бывало. Но на затылке остался липкий, промозглый след чужого недоброго взгляда.

— Так, перезагрузим вручную, — сдавленно проговорила она, нажимая тугую кнопку системного блока.

Машина натужно взвыла вентилятором, мигнула зеленым огоньком и выплюнула узкую термоленту.

— Вот ваш талон, Борис Матвеевич. Вторник, десять утра. Берегите себя, на лестнице сегодня очень скользко.

— Покорнейше благодарю, душечка, — старик спрятал талончик в нагрудный карман жилета, еще раз вежливо кивнул и медленно зашагал к выходу, постукивая тростью.

Наталья щелкнула тумблером, гася свет за стеклом. Смена была окончена, отчеты сошлись до единой копейки, но внутри, под ключицами, разливалась тяжелая, ноющая тревога, не сулившая ничего доброго.

Ноябрьский сквер встретил ее хлесткими порывами сырого ветра. Воздух горчил выхлопными газами и палой листвой, раздавленной колесами маршруток на набережной.

Пупсик

Пупсик шагал рядом с достоинством старого генерала, хотя его тонкие жилистые лапы в горчичном вязаном свитере старательно обходили каждую блестящую лужу. Пятнистая, безволосая розовато-коричневая кожа на шее пса вздрагивала от сквозняков, но большие стоячие уши цвета сажи чутко ловили каждый шорох. Время от времени он останавливался, поднимал укоризненный морщинистый нос к Наталье и издавал короткое брезгливое фырканье в сторону проезжавших громыхающих грузовиков.

— Потерпи, мой хороший, сейчас дойдем до дома, — тихо говорила она, кутаясь в пальто пыльно-розового цвета. — Отварю тебе курочки с рисом. Согреемся.

На углу дома разливался густой, дурманящий дух свежей сдобы. Витрина маленькой пекарни светилась медовым, почти сказочным золотом среди промозглой мглы. На деревянных полках за запотевшим стеклом дремали румяные улитки с корицей, щедро политые блестящей сахарной глазурью. Теплый пар сочился из приоткрытой форточки,

пахнуло ванилью, топленым маслом и беззаботным воскресным утром, которого у Натальи не было уже много месяцев.

Она невольно остановилась. Рука в кармане нащупала старенький кошелек с потертыми уголками. Пальцы перебрали шершавые металлические кругляши: пятьдесят рублей, еще десять, пара пятаков. Хватит на одну плетенку. Как раз ровно столько, чтобы взять бумажный пакет, обжечь пальцы о горячую корочку и откусить мягкий, тающий пряный мякиш прямо здесь, на ветру, закрыв глаза от нехитрого детского счастья. Двадцать пять лет она отказывала себе в этих мелочах. «Не до жиру, Наташа. Надо подождать».

Она уже взялась за медную ручку двери, колокольчик внутри нетерпеливо тренькнул, когда в голове всплыли слова дочери:

«Мам, у нас в декабре предзащита и курсы по трехмерной графике платные. Если не оплачу до десятого числа, диплом не утвердят».

Пальцы медленно разжались. Монеты с глухим металлическим стуком опустились на дно кармана. Шестьдесят рублей сегодня, сто сорок завтра на проезде, экономия на обедах в столовой — к концу месяца как раз наберется нужная сумма для Алины. Дочка молодая, ей надо пробиваться, строить жизнь. А она, Наталья, обойдется. Дома остался позавчерашний батон, можно обмакнуть в чай с ложкой смородинового варенья. Ничего страшного. Небо не упадет на землю.

Алина

Пупсик замер у ее ноги. Он медленно поднял морду, обрамленную седой солью шерсти, посмотрел снизу вверх своими темными, не по-собачьи глубокими глазами и издал тихий, свистящий вздох сквозь седые усы. Пес не стал просить еды, не дернул поводок. Он просто прижался сухим горячим боком к ее кожаному сапогу, словно говоря: «Опять ты за свое, женщина. Снова ты у себя на последнем месте в очереди».

Наталья отвела глаза от витрины, где пекарь в белом колпаке выкладывал на противень новую партию золоти-

стых булочек. Щеки жгло от ледяной мороси, но она решительно расправила плечи и зашагала дальше, вглубь темного переулка.

— Ну что ты, хвостатый философ, — прошептала она, и в голосе сквозь горечь пробилась привычная мягкая нежность. — Все будет хорошо. Мы еще споем с тобой настоящую песню. Бог не оставит.

В комнате пахло сухой лавандой и мятой, заваренной в пузатом фарфоровом чайнике. Зеленый тканевый абажур настольной лампы отбрасывал на полированный стол круг изумрудного света, в котором пылинки кружились неторопливо и мирно. Пупсик, сытый и умиротворенный, свернулся калачиком на старом шерстяном пледе в ногах кресла, положив острую морду на передние лапы.

Наталья достала из выреза вязаного свитера кулон. Это была изящная вещица из темного серебра со вставкой из морской бирюзы, выполненной в форме всевидящего ока. На обратной стороне неприметно прятался тонкий выдвижной штекер скоростной флеш-карты. Здесь, в крошечном кремниевом чипе, жила ее настоящая душа. Здесь прятался роман, над которым она тайно работала последние четыре года, выкраивая часы у сна и поликлинической суеты.

Она вставила накопитель в разъем ноутбука. Раздался негромкий системный щелчок, и на экране развернулся

текстовый документ: *«Живи. Глава 7»*. Рядом лежал толстый кожаный блокнот с записями и нотными набросками.

Наталья включила диктофон в телефоне. Перебрав тонкими пальцами невидимые струны, она запела вполголоса — чисто, глубоко, вкладывая в каждую ноту ту невысказанную силу, которую годами прятала за стеклом регистратуры:

«Не проси у осени прощенья,

Не считай потерянных монет…

Каждый вздох — святое возвращенье

В тишину, где страха больше нет…»

Мелодия лилась плавно, убаюкивающе. Пупсик приоткрыл один глаз, довольно посопел носом и задремал глубже, дергая во сне лапой, будто бежал по бесконечному зеленому лугу.

Пальцы Натальи быстро застучали по клавишам, догоняя ускользающую мысль. Строки ложились ровно и беспощадно. Ее героиня Анна стояла на перроне, сжимая в руке билет в один конец, и впервые за сорок лет не чувствовала вины перед теми, кто требовал от нее вечной жертвы.

«Жизнь — это не повинность, не заем в ломбарде, который нужно выплачивать чужим покоем. Это дар, и растратить его на страх — единственный непростительный грех».

Слова обжигали правдой. Наталья выдохнула, потирая ноющие от долгой работы плечи. Боль отступила, сменившись удивительной, кристальной ясностью. Она нажала комбинацию клавиш, сохраняя изменения на бирюзовый накопитель, аккуратно извлекла флешку из разъема и надела цепочку обратно на шею. Тяжелый бирюзовый камень привычно лег в ямку между ключицами, согреваясь от ее кожи.

Наталья поднялась, чтобы закрыть форточку.

За стеклом бушевала ноябрьская тьма. Внезапно одинокий желтый фонарь во дворе сухо мигнул, затрещал и вспыхнул ядовитым фосфорным блеском. Тень от старого вяза на мокром асфальте изогнулась, поползла по кирпичной стене дома и легла на ее оконную раму, четко очертив на деревянном мольберте силуэт разинутого хищного клюва.

В мерцании монитора старенького ноутбука Наталья увидела, как секундная стрелка на настенных часах зами-

рает, а бирюзовый кулон на ее шее обдает ключицу внезапным ледяным холодом.

ГЛАВА 2

Сквозняк в ящике

Запах хлорной извести в цокольном этаже поликлиники перемешивался с влажной шерстью старого драпового пальто и кисловатым духом казенного мыла. Наталья

тихо прикрыла за собой дверь служебной раздевалки. В руках она бережно держала обитую войлоком переноску, откуда выглядывала узкая мордочка Пупсика. Лапу ему в ветеринарном кабинете через дорогу перевязали быстро: мелкий порез о битое стекло у мусорного бака уже затянулся, но пожилой доктор все же наложил фиксирующую повязку и велел держать пса в тепле до вечера.

— Ну вот, философ, пересидишь тихонько пару часов до конца смены, — шепнула Наталья, опуская сумку на банкетку. — Дома получишь двойную порцию бульона.

Пупсик не ответил. Он даже не стал устраиваться поудобнее на сложенном шарфе. Его черные стоячие уши внезапно напряглись, превратившись в два настороженных локатора. Тонкая пятнистая кожа на голой шее натянулась, темные влажные глаза уставились на порог, а седые вибриссы на морде дрогнули от беззвучного, угрожающего свиста. Пес почуял чужое присутствие еще до того, как тяжелая дубовая дверь распахнулась, впустив в раздевалку удушливую, приторно-гвоздичную волну тяжелых духов «Красная Москва» пополам с лаком для волос сильной фиксации.

В проеме выросла внушительная фигура Регины Павловны Вороновой. Темно-синий медицинский костюм сидел на ней как литой панцирь, серебряные пуговицы тускло поблескивали под мигающей люминесцентной лампой, а медные, завитые мелким бесом кудри, казалось, держались на черепе исключительно благодаря железным черепаховым гребням.

— Батюшки мои, — протянула Регина, и кирпично-красные тонкие губы растянулись в безупречно фальшивой улыбке. Золотые перстни на ее пухлых пальцах глухо стукнули о толстую картонную папку с надписью «Внутренний контроль». — Милочка моя, у нас тут что, филиал питомника служебного собаководства открылся? Или городская поликлиника номер двенадцать перепрофилирована под приют для четвероногих бродяжек?

Пупсик в переноске глухо зарычал — низко, вибрирующе, прямо из глубин своего маленького горячего нутра.

— Ему всего лишь перевязали лапу, Регина Павловна, — спокойно, глядя старшему регистратору прямо в переносицу, ответила Наталья. — Он посидит в моей ячейке до шестнадцати ноль-ноль. Абсолютно тихо, без шума. Пациенты его не увидят.

— По регламенту не положено, милочка моя, — Воронова с наслаждением цокнула языком, и этот звук отдался в сыром воздухе сухим щелчком хлыста. — Санэпидрежим нарушать изволите? Бактерии, шерсть, аллергены… Впрочем, я к вам не за этим спустилась. Бросайте свои баулы. Начмед срочно требует объяснительную по поводу вчерашней утренней выгрузки льготных рецептов. Семен Ильич сидит у себя на третьем этаже, рвет и мечет. Живо наверх, Наталья Николаевна. Десять минут вам на все про все, иначе акт составлю за отказ от дачи пояснений.

Наталья нахмурилась. База рецептов вчера закрылась идеально, ни одной зависшей позиции не оставалось.

— Семен Ильич сегодня на конференции в областной, — заметила она. — У него прием только с пятнадцати.

— А я сказала — начмед ждет! — голос Регины мгновенно сорвался с сиропной вежливости на резкий, скрипучий приказ. — Мне лучше знать расписание руководства. Шагом марш, Наталья. А я пока тут выборочную сверку журналов проведу, раз уж спустилась. Смена через полтора часа, а в шкафах опять личные вещи валяются не по стандарту.

Спорить в коридоре значило устроить безобразную сцену на глазах санитарок. Наталья сняла с плеча кожаную

сумку, аккуратно убрала ее в свой металлический шкафчик номер четыре, повернула маленький язычковый ключ и опустила его в карман халата.

— Пупсик, сиди тихо, — негромко бросила она и поспешила к лестнице.

Кабинет начмеда на третьем этаже, как и ожидалось, оказался заперт на два оборота. На мягкой обивке двери белела аккуратная табличка: «Врач на выездном совещании». Когда Наталья, спустившись по гулкой лестнице обратно, толкнула дверь раздевалки, в нос ей ударил густой сквозняк.

Регины Павловны не было. Лишь шлейф ее пряных духов еще висел в воздухе, смешиваясь с тревогой. Дверца шкафчика номер четыре была распахнута настежь. Замок не взламывали — его открыли дубликатом, который всегда хранился в ключнице старшего регистратора на случай «противопожарных проверок». Сумка Натальи сиротливо лежала на боку на металлической полке. Молния основного отделения была расстегнута до упора.

Наталья шагнула вперед, чувствуя, как холодная пустота заливает виски. Рука скользнула внутрь сумки, в потайной внутренний карман на кнопке.

Пальцы нащупали лишь разорванную тонкую цепочку. Тяжелого серебряного ободка с гладкой морской бирюзой — единственного хранителя сотен страниц текста, нотных записей и напевов — на месте не было.

В кабинете старшего регистратора пахло крепким растворимым кофе и дешевыми мандаринами. На массивном столе, заваленном журналами учета, царил показной бюрократический порядок: папки лежали стопками под прямым углом, на углу темнел стационарный телефон с облупившейся трубкой.

Регина Павловна сидела в дерматиновом кресле, вальяжно откинувшись на высокую спинку. В ее унизанных кольцами пальцах вертелся толстый неоново-розовый текстовыделитель с золотым тиснением: *«Юридическая группа „Широков и партнеры“»*. Зять Вороновой, мелкий стряпчий с вечными долгами по займам, раздавал эту канцелярию всей родне вместо подарков.

— Вы взяли мою флешку, Регина Павловна, — Наталья не стала садиться на предложенный стул для посетителей. Она стояла у двери, прямая, тонкая, сцепив руки в замок

перед собой, чтобы унять едва заметную дрожь в кончиках пальцев. Голос ее звучал негромко, но предельно ровно. — Кулон из бирюзы. В форме ока. Он лежал во внутреннем кармане моей сумки в закрытом шкафу. Верните его.

Регина медленно опустила маркер на полированную крышку стола. Раздался глухой стук пластмассы. Она демонстративно цокнула языком, вскинув подведенные рыжим карандашом брови, и уставилась на подчиненную с выражением брезгливой жалости.

— Милочка моя, — нараспев произнесла Воронова, склонив голову набок так, что массивные черепаховые гребни в ее кудрях блеснули в свете настольной лампы. — У вас, кажется, от переутомления начались серьезные возрастные нарушения восприятия. Я проводила законный осмотр служебных помещений на предмет соблюдения санитарно-эпидемиологических норм. Никаких побрякушек я в глаза не видела. И уж тем более не собираюсь рыться в чьем-то тряпье.

— Шкафчик был заперт, — так же тихо, но с нажимом повторила Наталья. — Ключи есть только у меня и у вас. В сумке лежали личные файлы. Творческая работа, над которой я сидела четыре года. Это не имеет отношения к поли-

клинике. Давайте решим этот вопрос здесь и сейчас, без привлечения руководства и заявления в полицию по факту хищения.

Воронова тихо, утробно рассмеялась. Смех ее напоминал треск сухого валежника под сапогом.

— По какому факту? — она подалась вперед, уперев локти в стол, и стальные серые глаза ее сузились до ледяных щелок. — Ты кому угрожать вздумала, Наташа? Полицией? А ты докажи, что этот твой кулон вообще существовал в природе. Свидетели есть? Видеозапись в раздевалке? Ах, в раздевалке камер нет по закону о тайне частной жизни! Какая досада. А вот у меня есть акт о нарушении тобой трудовой дисциплины: пронос постороннего животного в лечебное учреждение и оставление рабочего места в часы приема. Забыла, сколько тебе лет стукнуло? Пятьдесят, милочка моя. Одинокая тетка предпенсионного возраста на окладе регистратора. Ты думаешь, за забором очередь не стоит на твое теплое местечко? Попробуй только вякнуть про воровство — я завтра же на тебя встречное за клевету положу на стол главврачу. С «волчьим билетом» пойдешь улицы мести, а доченьке твоей за учебу платить будет нечем.

Каждое слово било точно в те старые, наболевшие трещины, которые Наталья старательно замазывала годами терпения. Знакомый, въевшийся с юности яд чужого хамства парализовал голосовые связки. В голове всплыли серые лица чиновников, муж, бесконечно повторявший: «Сиди не высовывайся, кому ты нужна со своими бумажками», страх остаться без копейки перед лицом Алиночкиной сессии. Эта въевшаяся привычка уступать, сглаживать углы, прятаться в тень, лишь бы не спровоцировать разрушительную бурю, на мгновение сдавила горло ледяным обручем.

— Вы совершаете преступление, Регина Павловна, — с трудом разжимая одеревеневшие губы, произнесла Наталья.

— Свободна, Николаевна, — Воронова равнодушно взяла в руки очередную карточку пациента и демонстративно подчеркнула фамилию ядовито-розовым маркером. — И фантазии свои старческие при себе держи. Творчество у нее… Писательница нашлась на копеечной ставке. Работать иди, очередь у третьего окна уже до выхода выстроилась.

Наталья повернулась и вышла. Коридор встретил ее мертвенным белым светом длинных ламп, гулом кашляю-

щих людей и запахом спирта. Внутри все онемело, выгорело дотла, оставив лишь стыд за собственную беспомощность и горькое, унизительное понимание: ее обокрали средь бела дня, растоптали, а она даже не смогла закричать.

Дома царил полумрак. Зеленый абажур не горел. Наталья сидела на краю дивана в своем старом домашнем кардигане, не снимая очков, и невидящим взором смотрела на

раскрытый на коленях пустой блокнот из тисненой кожи. Страницы с нотными линейками были чисты — чистовой вариант оставался только там, на крошечном кремниевом кристалле в бирюзовом корпусе.

Пупсик лежал у нее на коленях, положив острую серую морду прямо на раскрытый блокнот. Время от времени он шумно выдыхал через ноздри, и его седые усы вздрагивали от этого тихого свиста. Пес не просил еды, не требовал гулять; он просто грел ее своим маленьким телом, передавая остатки спокойствия через тонкую шерстяную ткань.

Входная дверь щелкнула замком, хлопнула, и в прихожую вихрем ворвалась Алина. Мокрый от ноябрьского дождя бежевый тренч полетел прямо на вешалку, сапоги стукнули о порог.

— Мама! — голос дочери звенел не радостью, а каким-то отчаянным, захлебывающимся гневом. — Мама, ты где? Ты телефон вообще смотришь?

Алина влетела в комнату, даже не сняв шарфа. Ее выразительные темные глаза, так похожие на глаза Натальи, горели нехорошим, лихорадочным огнем. В руке она сжимала смартфон с горящим экраном.

— Что случилось, доченька? — тихо спросила Наталья, машинально проводя ладонью по спине Пупсика. — С учебой что-то?

— С какой учебой, мама?! — Алина опустилась перед ней на колени, прямо на ковер, и ткнула экран телефона почти в лицо матери. — Ты это видела? Ты знаешь, что происходит?!

На экране крутилось короткое вертикальное видео из популярной молодежной сети. На видео красовалась молодая девица с пухлыми наколотыми губами, в модном оверсайз-пиджаке цвета фуксии и с зализанным конским хвостом. Подпись внизу гласила: *«Снежана_Шир // Эксклюзив // Мой новый трек рвет чарты»*.

Девица томно закатила подведенные стрелками глаза, провела тонкими пальцами по струнам акустической гитары, и из динамика полился чистый, бархатный, безошибочно узнаваемый аккорд. Тот самый, который Наталья подбирала ночами, перебирая пальцами струны старой «кремоны». А затем зазвучал голос. Снежана пела под наложенную студийную фонограмму, но сам текст, сама мелодия были плотью от плоти той песни, которую Наталья записала вчера:

«Не проси у осени прощенья,

Не считай потерянных монет…

Каждый вздох — святое возвращенье

В тишину, где страха больше нет…»

В правом углу экрана мелькали цифры: пятьсот сорок тысяч лайков, двенадцать тысяч репостов, комментарии летели со скоростью пулеметной очереди.

— «Широков и партнеры», — механически, чужим деревянным голосом проговорила Наталья, вспомнив розовый маркер на столе Вороновой. — Сноха Регины. Снежана Широкова.

— Да какая к черту разница, кто она! — голос Алины дрогнул, и по ее щеке скатилась крупная слеза. — Ты послушай, что эта дрянь говорит дальше! Слушай!

Алина ткнула пальцем в экран, перематывая ролик на середину. Музыка стихла, и смазливое лицо Снежаны расплылось в самодовольной, снисходительной усмешке:

— Короче, зайки мои, эту бомбу мне слили буквально пару часов назад. Представляете, на меня работает целая

команда, но этот кринж-шедевр вдохновлен реальной жизнью одной поликлинической тетки! Ну, знаете, такие серые моли в регистратуре сидят, талончики выдают и всю жизнь плачут в платочек, что жизнь прошла мимо. Мы взяли ее душные строчки, переписали бит, добавили нерва — и получился чистый разрыв! Полный текст романа «Живи» и саундтрек я презентую в эту пятницу на стриме, где мы прямо в эфире подпишем контракт с продюсерами платформы «Прайм» на экранизацию! Так что заваривайте чай, пятница будет жаркой!

Наталья зажмурилась. Воздух в комнате словно сгустился, превратившись в горькую, удушливую смолу. Ей захотелось закрыть лицо руками, вжаться в спинку дивана, раствориться, исчезнуть, чтобы только не слышать этих глумливых слов, не видеть, как ее многолетнюю сокровенную боль полощут перед миллионной толпой ради легких денег и сетевой славы. Это было хуже физического удара. Это было выворачиванием души наизнанку прямо на заплеванном тротуаре.

Пупсик на ее коленях вдруг резко вскочил. Его тонкие жилистые лапы уперлись в грудь Натальи, шерсть на загривке встала дыбом, а из узкой пасти вырвался короткий, отрывистый, яростный лай. Пес смотрел прямо на светя-

щийся экран телефона, обнажив мелкие резцы, и дрожал от благородного, чистого собачьего бешенства.

Алина схватила мать за холодные ладони, сжимая их до боли.

— Мама, посмотри на меня! — крикнула дочь, и слезы на ее лице сменились сухой, злой решимостью. — Хватит! Слышишь меня? Хватит молчать и терпеть! Они украли не кусок пластика! Они залезли к тебе в сердце, украли твой голос, твою жизнь, твое дыхание! Ты двадцать лет говорила мне, что надо быть честной и сильной! Ты юрист по первому образованию или кто?! До пятницы осталось трое суток. Если мы сейчас сдадимся — они продадут твою книгу, а тебя выбросят на улицу как отработанный материал! Ты слышишь меня?!

Наталья медленно открыла глаза. Сквозь тонкие круглые стекла очков мир больше не казался серым и размытым. Туман безропотного смирения, годами копившийся в углах ее сознания, вдруг рассеялся от одного взгляда на плачущую дочь и беснующегося от преданности пса. Внутри, где только что зияла черная рана, зашевелилось нечто забытое, строгое и